

в науке вывод относительно феодальной природы зависимости земледельцев в эллинистическую эпоху. Ученые, которые отстаивают представление о ранневизантийском периоде как о первом этапе развития феодальных отношений, либо должны доказать, что колонат в восточных областях Римской империи принципиально отличался от форм эллинистической зависимости, либо признать, что византийский феодализм берет свое начало от эллинистического общества.

Рассмотрению особенностей развития колонатных отношений в Восточной Римской империи V—VI вв. посвящена специальная работа А. Р. Корсунского. Исследуя данные юридических, литературных и папирологических источников, автор приходит к заключению, что «колонат в Восточной Римской империи, несмотря на его некоторую близость к крепостническим отношениям, отнюдь не может быть отождествлен с последними. Колонат представляет собой форму производственных отношений, соответствующую переходному периоду от рабовладельческого строя к феодальному»¹⁵.

А. Р. Корсунский показал, что в положении колонов как на Востоке, так и на Западе сочетались черты нового и старого — пережитки, восходящие к временам безраздельного господства рабовладельческого строя, с новыми, феодальными формами эксплуатации непосредственных производителей. Имперское законодательство IV—VI вв. стремилось приравнять колона к рабу, объявив его собственностью господина, лишив права передвижения, ограничив имущественную правоспособность колона¹⁶. Однако основные объективные тенденции социально-экономического развития общества и субъективный фактор — активное сопротивление колонов — мешали осуществлению этих предписаний имперских законов. Фактически статус колона существенно отличался от положения раба: господин имел право лишь на труд колона, на определенные повинности, выполняемые им за пользование землей; колон вел самостоятельное хозяйство; несмотря на строгие требования законов, он мог в известной степени распоряжаться имуществом, передавать его детям по наследству и завещать любым лицам, мог в некоторых случаях судиться с господином, если тот незаконно увеличивал его оброк; колон привлекался к военной службе, имел свою законную семью¹⁷. Интересен вывод автора о том, что колон в Восточной Римской империи обладал несколько большими правами, чем его собрат на Западе, и поэтому по своему статусу был ближе к крепостному раннего средневековья, чем колон Западной Римской империи. Однако и тот и другой являлись лишь предшественниками средневековых крепостных, а отнюдь не феодально-зависимыми людьми.

К аналогичным выводам о колонате как форме эксплуатации, свойственной переходному периоду от рабовладения к феодализму, пришла и З. В. Удальцова, показавшая, каким образом борьба двух тенденций общественного развития — феодальной и рабовладельческой — в Италии V—VI вв. наложила свой отпечаток на положение различных категорий колонов и обусловила эволюцию колонатных отношений; в целом она шла в сторону усиления феодальных черт в статусе колонов¹⁸. Конечно, сложность природы колоната не позволяет пока считать эту проблему разрешенной.

В ходе дискуссии на страницах «Вопросов истории» возник еще один чрезвычайно важный вопрос — о социальной сущности восточноримского (ранневизантийского) государства IV—VI вв.

¹⁵ А. Р. Корсунский. О колонате в Восточной Римской империи V—VI вв. ВВ, IX, 1956, стр. 177.

¹⁶ Там же, стр. 71.

¹⁷ Там же, стр. 76.

¹⁸ З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в. М., 1969, стр. 92 сл.